

# ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ВЛАСТЬ: ОТ НАУЧНОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ К ТЕХНОЛОГИЯМ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНОМУ КОНСТРУИРОВАНИЮ

**Кошовец Ольга Борисовна** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН. Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: helzerr@yandex.ru



Основная гипотеза этой работы в том, что государственное управление технократического типа, опирающееся на знание как ключевой элемент воспроизводства власти, значительно влияет на представление о том, что является объективным и что такое объективность. Мы исследуем процесс трансформации научной объективности как части научного этоса и образующих его практик на примере экономического знания. Ключевой институциональной особенностью экономического знания является существование двух относительно автономных эпистемических культур: академической, связанной с производством знания в научных учреждениях, и экспертно-административной, развивающейся в рамках функционирования институтов государственного и корпоративного управления. Государственное управление инкорпорирует научное знание для своих целей, но в ходе его воспроизводства в иной, нежели научные институты, среде оно неизбежно претерпевает существенные изменения, подчиняясь административным практикам. Особенностью знания, востребованного и воспроизводимого в системе госуправления, является инструментальность (возможность превращения в технологию) и установка на квантификацию. В результате числовые показатели становятся базовой социальной технологией и в то же время как бы воплощают собой объективность. Мы показываем, что экономическое знание в системе госуправления предполагает неизбежный и углубляющийся онтологический разрыв с объективной реальностью, так как это заложено в административных практиках. Государству нужно не истинное, а эффективное знание: задача управления не предполагает реалистичное отображение управляемого объекта, а, напротив, стремится его упростить и, с другой стороны, спроектировать или даже сконструировать. Таким образом, в отличие от научного знания объективность знания в управленческих практиках практически никак не связана с объектом (истинностью, репрезентацией). Вместе с тем потребность в инкорпорации академического экономического знания в структуры госуправления и дальнейшее его воспроизводство в принципиально чуждой сфере приводят к существенной деформации научного этоса, выступающего регулятивным элементом производства научного знания. Эрозия затрагивает оба аспекта объективности: как онтологического принципа (реалистическая установка) и как “эпистемической добродетели” (свойство познавательного акта). На этом фоне объективность как “эпистемическая добродетель” трансформируется в “технику дистанцирования” (в основе которой объективность воплощается в цифрах) и в принцип “технической имперсональности”, которые в пределе подразумевают замену субъекта знания технической системой.

**Ключевые слова:** экономическое знание, объективность, квантификация, технологии дистанцирования, государственное управление, когнитивные структуры, курс



# ECONOMIC KNOWLEDGE AND POWER: FROM SCIENTIFIC OBJECTIVITY TO TECHNOLOGIES OF IMPERSONALITY AND SOCIAL DESIGN

**Olga B. Koshovets** – PhD  
in Philosophy, Senior Research  
Fellow.

Institute of Economics,  
Russian Academy of Sciences.  
32 Nakhimovsky Ave, Moscow,  
117418, Russian Federation;  
e-mail: helzerr@yandex.ru

The main claim of the study is that technocratic public administration based on knowledge as a key element of power, significantly affects the idea of what is objective and what is objectivity. I explore how scientific objectivity as part of a scientific ethos has been evolving on the example of economic knowledge. A key institutional feature of economic knowledge is that it includes in fact two relatively autonomous epistemic cultures: academic one, connected to the production of knowledge in academia and expert-administrative one developing in public and corporate governance systems. The peculiarity of knowledge demanded and functioning in public administration is instrumentality (a possibility to be transformed into technology) and an exceptional focus on quantification. As a result 'governing by number' becomes a key social technology and at the same time numbers seem to embody objectivity. I show that economic knowledge in public administration involves an inevitable and deepening ontological gap with 'objective reality'. The state needs not true but effective knowledge: the task of administering does not presuppose a realistic representation of the administrated object, but rather seeks to simplify it, to plan it, or even to construct. Thus, unlike scientific knowledge, the objectivity of knowledge in administrative practices has almost nothing to do with the object (in sense of truthfulness, representation). Meanwhile, ongoing need for academic economic knowledge to be used into the state administration and its further development in a fundamentally alien sphere leads to a significant deformation of scientific ethos, which is a crucial regulatory element in the scientific knowledge production. Erosion affects both aspects of objectivity as an ontological principle and as an 'epistemic virtue'. Against this background, objectivity as an 'epistemic virtue' has been transformed into the 'technique of distancing' and the principle of technical impersonality, which imply eventually the replacement of the 'knowledge self' by a technical system.

**Keywords:** economic knowledge, objectivity, quantification, distancing technologies, public administration, cognitive structures, discourse

«Объективность» всегда была одной из краеугольных категорий научного знания, его эмблемой и одним из конститутивных элементов интерналистского образа науки. В качестве эпистемологического регулятива объективность во многом отвечала за то, что делает научное знание научным, обуславливает степень доверия ему и его высокий социальный статус. Многочисленные исследования, принятые в рамках исторической эпистемологии, поставили под вопрос самоочевидность этого идеала научного знания, который на протяжении истории науки Нового времени существенно менялся в зависимости от материальных практик осуществления познавательной деятельности [Daston, Galison, 2010].



Историоризация и закономерно связанная с этим релятивизация статуса объективности – это не только важный элемент исследования реальных научных практик в рамках исторической эпистемологии, но, прежде всего, отражение тех трансформаций, которые происходят с самой наукой (сначала на уровне институциональном, а затем и эпистемологическом) в процессе капитализации научного знания, пересборки науки как по преимуществу экономического порядка<sup>1</sup>. Во-первых, под воздействием процесса капитализации производство знания выходит за пределы собственно научных институтов, – ученые работают в тесном взаимодействии с инженерами, бизнесменами и государственными структурами, – именно это взаимодействие определяет их когнитивные стратегии и цели работы [Forman, 2007]. Капитализированное научное знание, как и частично академическая наука, начинает все более и более приспособляться к условиям и целям воспроизводства других социальных сфер, соответствовать правилам и нормам их функционирования, их этосу и формирующим его практикам [Кошовец, Фролов, 2020, с. 29].

Постепенно взаимодействие с внешней средой (с другими социальными сферами) начинает приобретать решающее значение, в результате чего научная деятельность становится трансинституциональной и, как следствие, трансэпистемической практикой, поэтому закономерно перестает ориентироваться на классический научный этос и формирующие его практики, частью которых является объективность [Ziman, 1998]. Во-вторых, следствием капитализации науки является изменение эпистемологического статуса субъекта научного познания и, как следствие, авторитетности и легитимности производимого им знания, которая во многом обеспечивалась таким свойством и самого знания, и познавательных практик, и субъекта познания, как объективность. В социальной плоскости это проявляется в утрате учеными особого положения в обществе и их привилегий на производство наиболее ценного знания, которое лежит в основе системы образования и формирует современное мировоззрение (научную картину мира), – закономерно происходит размывание границ между различными видами знаний и субъектами, их производящими [Кошовец, Фролов, 2020, с. 28–29]. В естественных науках

<sup>1</sup> Под капитализацией мы понимаем подчинение той или иной сферы общественных отношений закономерностям воспроизводства производительного капитала. Сначала особые типы научного знания включаются в сферу экономики как существенное условие нового типа социально-экономического развития и создания наукоемких, высокотехнологических секторов экономики, а затем они становятся компонентом капитала (отсюда появление понятий «человеческий капитал», «экономика, основанная на знаниях») [Кошовец, Фролов, 2020].



это отражается в формировании «инженерно-научной самости» и даже замещении научной самости инженерной, – ибо «целью ученого не является создание инструментов или искусственных объектов/устройств» [Daston, Galison, 2010, p. 415–416], – а именно на это начинают ориентироваться естественные науки и производимое ими «капитализируемое знание».

«Объективность» – наиболее часто используемая, крайне неопределенная и гетерогенная категория в философии науки и эпистемологии [Megill, 1994]. Тем не менее представляется, что исторически объективность имеет как минимум две основные ипостаси, тесно взаимосвязанные. С одной стороны, – стороны субъекта познания – это свойство познавательного акта, совершаемого субъектом, и, соответственно, и самого познающего субъекта («научной самости»). В терминологии Л. Дастон и П. Галисона – «эпистемическая добродетель» [Daston, Galison, 2010], тесно связанная с «этосом ученого». Последний понимается как своеобразные техники работы над собой, требующие практиковать определенный набор правил и норм, которые приводят к достижению тех или иных «эпистемических добродетелей», в частности объективности<sup>2</sup>. С другой стороны, – стороны объекта – объективность – это онтологическая характеристика, некое свойство знания, напрямую связанное с объектом, с тем, как он конституируется, в каком виде (в том числе визуально или абстрактно инвариантно) предстает в познавательном опыте и отображается в знании. Это особое свойство в новоевропейской научной традиции формируется в рамках заботы о том, «насколько верно мы схватываем реальное», а следовательно, тесно связано с ключевым принципом классической науки – реализмом (поиском истинной реальности) и репрезентацией («объективное знание – то, что репрезентирует объект») [Rorty, 1991].

Современная технотнаука (форма гибридизированной науки и инженерии), в которую преобразуется классическая наука в процессе капитализации научного знания и включения его в экономические порядки, существенным образом отразилась на ценности объективности как ключевого принципа научных практик и фактически привела к ее эрозии и даже нивелированию. Что касается онтологического аспекта объективности (презумпция реализма), это связано с замещением научных практик инженерно-научными, в рамках которых

<sup>2</sup> Шире речь идет об алгоритме построения познающего субъекта, о том какой своей стороной, частью он входит в познавательные отношения [Романов, 2003, с. 301–321]. На уровне этики – это определенные негативные императивы (как веберовское требование воздержания от оценочных суждений), на уровне эпистемологии эту функцию выполняет метод (как регулятив научного познания), на уровне повседневного научного воспроизводства – различные практики: институциональные, материальные, технические, дискурсивные и т.п.



первостепенной задачей становится создание артефактов и технологий, производство сотворенной реальности. Репрезентация заменяется презентацией, чья функция сугубо инструментальна [Daston, Galison, 2010, p. 363–416]. Между тем с объективностью как особым свойством субъекта познания, «эпистемической добродетелью» происходят более сложные и, на первый взгляд, неочевидные изменения, источником которых, по нашему мнению, являются не только инженерные практики («инженерная самость»).

Целью этой статьи является исследование процесса трансформации научной объективности как части научного этоса ученых и конституирующих его практик на примере конкретной науки – экономического знания. Экономика как дисциплина представляет для нас особый интерес в связи с поставленным вопросом по следующим причинам. Во-первых, будучи формально общественной наукой (об обществе, рациональном поведении) или даже гуманитарной в старой англосаксонской традиции (об экономическом человеке), по сути, она таковой не является<sup>3</sup>. Вся траектория ее развития в XX в. – это настойчивое превращение в дисциплину естественнонаучного типа, выстроенную по строгим лекалам математизированного естествознания [Mirowski, 1991; Weintraub, 2002]. Усилившийся в 1930-е гг. и еще больше в 1950-х гг. тренд на математизацию и формализацию знания во многом связан с трансформацией экономики в разновидность инженерной науки [Morgan, 2008, p. 275–276], которая подразумевает техническое искусство: проектирование объекта и создание инструментов, необязательно связанных (или даже никак не связанных) с экономической реальностью, но зато, как полагают многие экономисты, в своей универсальности пригодных для анализа любой социальной реальности и человеческой деятельности<sup>4</sup>. Условием такого перехода стало «развоплощение» экономики (исходно хозяйственной деятельности), которая превратилась во множество

<sup>3</sup> В большинстве университетов, в том числе в Оксфорде, общепринятая степень бакалавра экономики – Bachelor of Arts, между тем в магистратуре уже присваивается степень Magister of Science. Хотя в ряде американских университетов даже магистерская степень долгое время проходила по разделу Arts. Вместе с тем за последние 15 лет в большинстве американских университетов economics включена в категорию STEM (science, technology, engineering and mathematics).

<sup>4</sup> «Экономическая теория – это “один из способов изучения общества с применением определенных инструментов” (аппарата математического моделирования), а “не гипотезы или теории относительно экономики”, поэтому “экономические методы можно и нужно применить, помимо экономики, ко многим другим сферам”» [Rodrick, 2015, p. 7]. Отметим также, что претензия на универсальность инструментов экономического анализа – это и претензия на объективность, от отсутствия которой «страдает» социогуманитарное знание (и что определяет его «ущербный» научный статус).



операций и статистических показателей, обозначенных как экономические, которые были абстрагированы от остальной социальной жизни и воссозданы как объект (система структурных отношений), ведущий себя в соответствии со своей логикой [Breslau, 2003].

Однако еще более важная причина, по которой именно экономическая теория представляет для нас интерес в контексте трансформации научной объективности – это тот факт, что экономическое знание в действительности содержит в себе две относительно автономные и параллельно развивающиеся эпистемические культуры: собственно научное знание, которое производится в академической сфере, и экспертно-административное знание, потребляемое государством (госаппаратом) и производимое обслуживающими его экспертами и экспертными центрами [Кошовец, 2021]. При этом научное знание выступает источником административно-экспертного знания, которое тем не менее со временем значительно автономизируется [Sparsam, Pahl, 2021]. Связующим звеном для этих различных практик производства экономического знания (научных и административно-экспертных) являются процедуры квантификации и основанное на них опосредующее знание в количественной форме – статистика, которая формирует превращенную реальность и выступает как исходная данность (объект), с которой работает любое экономическое знание [Desrosières, 1998; Miller, 2001].

Вместе с тем ключевая связь двух эпистемических культур экономического знания – институциональная. Исторически экономическое знание развивалось как практика советов государю по управлению его богатствами, т.е. изначально его ценность во многом обеспечивается возможностью применения в государственном управлении. В результате научное экономическое знание потенциально стремится встроиться в административные практики и соответствовать экспертно-административной эпистемической культуре. Воспроизводство в принципиально иной, нежели академическая среда, сфере постепенно, но неизбежно ведет к утрате целей познавательной деятельности, определяемых научным этосом. Основная гипотеза этого исследования состоит в том, что государственное управление технократического типа, опирающееся на знание как ключевой элемент воспроизводства власти [Foucault, 2004], в значительной степени влияет на представление о том, что является объективным и что такое объективность знания (в обоих указанных нами аспектах).



## **Техники работы с реальностью государства: от упрощения и проектирования к конструированию и реификации**

Обратимся сначала к техникам работы с реальностью, которые практикует управленческий аппарат государства, и их эпистемологическим характеристикам. Как отмечает в своем исследовании Дж. Скотт, знания государства определяются его целями, это всегда заинтересованный в чем-то взгляд [Скотт, 2005, с. 104]. По-видимому, максимально полная и объективная репрезентация нужна государству только на начальном этапе формирования объекта управления (чем владеет и может распоряжаться государь), чтобы сделать это видимым. Если ранее государь мог объехать свои территории и осмотреть их, то государственный аппарат эпохи модерна видит их за счет «воображаемого взгляда», формируемого квантификацией, статистикой и прочими манипуляциями по созданию «картины» управляемого, т.е. за счет переписей, систематизации, классификации и т.п. [Bourguet, 1988]. Дальнейшее получение знаний об объекте управления уже практически не ориентируется на получение объективной репрезентации, а определяется проективными и конструктивистскими интенциями, – у государства редко бывает цель понять или объяснить объект, но практически всегда задача изменить, преобразовать, исправить.

Дж. Скотт неоднократно подчеркивает, что упрощения создают объект управления, позволяя его учитывать и классифицировать [Скотт, 2005, с. 100–120]. Причем ключевое значение тут имеет воображение того, кто классифицирует. В дальнейшем это, наряду с модернизаторской логикой, принципиально позволяет перейти к конструированию тех или иные категорий, чтобы не только учитывать управляемое, но и производить с ним необходимые манипуляции (в соответствии с модельными, нормативными представлениями). К примеру, у нас может быть два пола, а может быть 10 различных гендерных идентичностей. В ходе управленческой деятельности, различных административных практик и воспроизводства самого аппарата управления они рано или поздно неизбежно реифицируются (так происходит, к примеру, если в паспорт ввести строку не «пол», а «гендерная идентичность», запретить записывать в свидетельство о рождении пол рожденного, пока он не определит свою идентичность сам, а в общественных местах сделать туалеты для всех без разделения по половому признаку). Развитие таких социальных объектов не просто предписывается и «правильно» направляется аппаратом управления – знание встраивается во взаимодействие с конструируемым объектом и обеспечивает его самовоспроизводство. То же самое можно сказать, например, о дате рождения.



По мере развития бюрократического управленческого аппарата появляется и другая задача, непосредственно не связанная с объектом управления, – это воспроизводство самой административной системы (органа). Важную роль в нем играют артефакты, являющиеся для бюрократа первичной данностью, а также постоянное создание новых артефактов и, соответственно, разработка новых форм управления (показателей, отчетностей), чтобы расширить (дифференцировать) управляемое, поставить его под свой контроль и таким образом продемонстрировать свою эффективность в качестве единицы управления.

Таким образом, онтологический разрыв с объективной реальностью формируется на самом начальном этапе процедур работы с объектом управления, ибо для этого он изымается из реальности и упрощается как за счет того, что познавательная деятельность государства утилитарна, так и поскольку объект предстает лишь в исчисленном и измеренном виде и помещается в иную систему отношений, нежели его естественные связи, т.е. становится частью классификаций и категоризаций. Все, что не может быть стандартизировано и формализовано, либо сильно преобразуется, чтобы стать измеряемым и учитываемым, либо просто выпадает из поля зрения. Вместе с тем такие практики ведут к развитию нормативных представлений (как должно, как хотелось бы), при этом вопрос, как на самом деле устроено нечто, например экономическая деятельность, становится глубоко вторичным.

Итак, можно сказать, что артефакты, с которыми работает государственная бюрократия, подобны картам, – они создают картину управляемого объекта и одновременно взгляд на него. С эпистемологической точки зрения карты сочетают в себе элементы нормативного и дескриптивного. С одной стороны, карты по определению всегда претендуют на то, чтобы быть репрезентацией (местности), с другой стороны, в них всегда присутствует схематизация, абстрагирование, иерархия оценок (значимое/незначимое), т.е. система требований по интерпретации местности. Но прежде всего карты решают задачу, несводимую к отражению или предписанию, – они фиксируют стратегию субъекта, т.е. отражают не столько местность, сколько способ ее использования актором.

Эта стратегия в случае с государственным аппаратом в целом сводится к тому, что общество нужно переделать, чтобы оно стало объектом управления, причем преобразование разворачивается и в эпистемологической плоскости, и в реальной модернизаторской (реформаторской) деятельности. Эти два вида деятельности тем не менее тесно взаимосвязаны. Особый взгляд на управляемый объект требует его выправления (изменения) – исправление, в свою очередь, улучшает видимость объекта. Однако это видимость специфическая: видится только то, так и настолько, насколько это видимое позволяет





реализовывать акт управления. Кроме того, эта взаимосвязь фундируется установкой на квантификацию, которая реализуется в эпистемологической плоскости, а в реальной модернизаторской деятельности находит свое выражение в стратегии на деперсонализацию, унификацию и стандартизацию управляемых объектов, превращение их в универсальные, гомогенные единицы [Porter, 1992]. Квантификация – это любимый инструмент инженеров, так как он позволяет проектировать. Закономерно, что количественная оценка (показатель) в итоге становится социальной технологией, которая предоставляет возможности не только планировать, но и формировать (любую) социальную реальность.

Между тем реальная модернизаторская деятельность государственного аппарата подчинена экономической логике и тесно связана с переходом от традиционного к индустриальному обществу, что нашло отражение в так называемых идеологиях «высокого модернизма» [Harvey, 1989]. Суть этих идеологий в том, что существующий социальный порядок, который более ранними государствами принимался как данность, впервые стал предметом активного управления, оказалось, что можно проектировать искусственное общество – не по обычаю, а согласно сознательным, рациональным научным критериям [Скотт, 2005, с. 152]. Иными словами, высокий модернизм – это управление с притязанием на усовершенствование социального порядка и условий существования человека (от структуры семьи и места жительства до моральных ценностей и способов производства) от имени научного знания, которое позволяет их заново исследовать и спроектировать.

Следует особо подчеркнуть, что научное знание здесь часть рациональности, отождествляемой с эффективностью, со способностью приносить видимые результаты, меняющие жизнь и служащие приумножению мощи государства. Таким образом, это та часть науки, которая, прежде всего, соотносится с инженерией, техникой и технологиями – поскольку они выступают средствами контроля (власти) над природными (естественными) объектами и процессами. Поэтому в системе госуправления научное знание, от которого требуется прежде всего эффективность, в конечном счете редуцируется до набора инструментов и социальных технологий – средств проектирования и контроля над социальными объектами и процессами [Rose, Miller, 1992].



## **Количественная оценка как социальная технология и проектируемая (конструируемая) реальность**

Как мы уже отмечали, объект инструментальной деятельности административного аппарата, по сути, является артефактом, компонентом превращенной реальности, при этом придание ему онтологического статуса (например, реификация искусственных статистических объектов) происходит в рамках воспроизводства самой управленческой деятельности. Ключевая особенность статистики в том, что она характеризует саму «реальность государства», – без фиксации данных не формируется объект управления [Desrosières, 1998; Miller, 2001]. Работа с этими данными (отчетность) становится той предельной реальностью, с которой соотносится государственный аппарат. Какими бы не были слабыми и условными категории и классификации, разработанные чиновниками, стоит их ввести, и они становятся чрезвычайно устойчивыми, стоит их объявить официальными, и они становятся реальными. Так, статистические бюро собирают и обрабатывают числовые показатели на основании презумпции, что они являются действительными, и поэтому и ученые экономисты, и государственные служащие, и массмедиа имеют весьма ограниченные возможности их оспорить [Porter, 2003]. В конечном счете статистика и формализованные методы способны описать социальную реальность, поскольку они помогают ее определить (сделать видимой) и проектировать (создавать).

Отсюда вытекает такая важная социальная функция количественных оценок и манипуляций в рамках государственных (и квазигосударственных) практик, как их способность выступать средством сравнения, рейтингования и стандартизации. Иначе говоря, количественная оценка обладает способностью связывать правилами (нормами) или даже навязывать их. В свою очередь, нормативность как возможность сравнивать и стандартизировать исключает интерес к динамике (реальным механизмам развития) – государственный аппарат интересуют только принципиально статичные факты. Установление оптимальных показателей выполняет ту же функцию – фиксирует нормальность, из которой, в свою очередь, выводится норма – то, что должно имплементировать [Porter, 1992]. Как следствие, установка на нормализацию и проектирование при работе с объектом, развиваемая в управленческих практиках, приводит к тому, что норма (эталон, модель) обладает для управленческого аппарата онтологическим приоритетом.

Отсюда совершенно закономерен шаг к конструированию, и как следует из многочисленных исследований функционирования международных институтов развития (структур, образующих global



governance) [Broome, Seabrooke, 2012; Kranke, Yarrow, 2018], познавательная деятельность уже на следующем надгосударственном уровне глобального экономического управления изначально формируется как конструктивистская. Его не интересует, как есть (это объект переделки, модернизации), гораздо важнее, как должно быть (как правильно). Деятельность международных институтов развития и разрабатываемых ими показатели и рекомендации («глобальная единая стандартизирующая сетка»), по определению перформативна, она направлена на преобразование реальности, так как на этом зиждется и «когнитивный авторитет» «глобального управления», и возможность его расширенного воспроизводства и экспансии [Cammack, 2002].

Между тем квантификация и статистика – это не только особые эпистемические практики работы с объектом, но и определенная стратегия субъекта, а следовательно, они будут отражаться и на понимании объективности как «эпистемической добродетели».

## **Квантификация, объективность знания и технологии дистанцирования субъекта**

Фундаментальная установка на квантификацию, общая для обеих эпистемических культур экономического знания – научной и экспертно-административной – делает возможным и постоянный переток знаний из науки в бизнес и государственное управление и оттуда обратно в науку, и некоторую общую координацию производимого знания. Поэтому квантификация является основой когнитивного стиля и управленца/бюрократа, и ученого-экономиста. Числа, таблицы, графики – это и универсальный язык, обеспечивающий общность (понимание между субъектами экономического знания из разных сфер), и общая стратегия коммуникации, в том числе и наглядная универсальная иллюстрация, понятная и специалистам, и неспециалистам<sup>5</sup>.

Вместе с тем в рамках экспертного знания в системах административного управления квантификация выполняет и гораздо более важную функцию. Это средство конституирования объективности суждения (в смысле его ценностной нейтральности) и удобный и единственно валидный способ обсуждать и аргументировать. Поэтому манипуляции с числами образуют ядро административного дискурса [Porter, 2003]. При этом еще раз подчеркнем: статистические цифры и эконометрические расчеты в управлении бизнесом или

<sup>5</sup> Б. Латур также отмечает, что схемы и графики являются такими научными образами, которые выступают как ключевые средства конституирования объективности, понимаемой как сборка (привлечение) верных союзников [Latour, 1986].



национальной экономикой не являются описаниями чего-то в реальном мире. Их задача сугубо инструментальна – сообщить результаты в известном, стандартизированном виде (например, годовой ВВП) или же в универсально понятной всем форме объяснить (предписать), как может (должен) быть сделан тот или иной кусок работы (например, целевые индикаторы в количественной форме или KPI).

Ключевое эпистемологическое достоинство квантификации для системы госуправления в том, что знание в количественной форме инвариантно и потому достойно доверия вне зависимости от личных познаний, ценностей и предпочтений его носителя. Иными словами, квантификация – это способ производить знание, не только полностью независимое от субъекта, его производящего, но и обладающее чем-то близким к свойствам т.н. структурной объективности [Daston, Galison, 2010, p. 253–262]<sup>6</sup>. Эту независимость обеспечивает строгое следование тщательно разработанным и постоянно усложняющимся методикам и технологиям подсчета (таковы все административные системы взаимосвязанных показателей и классификаций, например система национальных счетов). Причем в пределе они подразумевают полное устранение субъекта вплоть до замены его машиной и машинными алгоритмами. Аналогичную эпистемологическую функцию выполняют и изоцированные эконометрические модели (типа DSGE или межотраслевого баланса), с помощью которых получают сложные расчетные или прогнозные показатели, – по сути, это тоже «десубъективированные машины» по производству объективного знания, репрезентированного в количественной форме.

Ключевая онтологическая проблема, которая здесь возникает, причем в любой системе знания – административно-экспертной или научной – это то, что такой перекокс в сторону десубъективированных, формализованных методов получения нового знания вместе с тем также развивает и институционализирует практики манипулирования

<sup>6</sup> Следует отметить, что квантитативные процедуры и квантификация как способы производить «объективность» обозначаются различными исследователями по-разному. Так, Т. Портер называет такую объективность механической и отмечает, что функции объективности начинает выполнять или даже воплощать стандартизация [Porter, 1992; 2003]. Другие исследователи [Megill, 1994] используют термин «процедурная объективность» для того, чтобы обозначить идеи, выдвинутые Т. Портером. Мы, в свою очередь соотнося практики квантификации и конституирование ими объективности в рамках государственного управления с научным идеалом структурной объективности, выделяемым Дастон и Галисоном, хотим таким образом подчеркнуть ключевую черту этого типа объективности – инвариантность, которая наилучшим образом представлена числом. Вторая причина в том, что идеал структурной объективности нацелен на полное элиминирование субъекта и по возможности замену его имперсональным механизмом. То же мы наблюдаем в рамках развития практик государственного, корпоративного и надгосударственного управления.



числами (которые всегда осуществляет субъект), а также работу с превращенными уровнями реальности. В рамках общественных наук таковыми является целый ряд ключевых объектов статистики, в частности такой статистический агрегат, как ВВП. Важно то, что ВВП – это результат сложного счета с множеством конвенций и допущений и сильно зависящий от принятой методологии. Например, система национальных счетов (СНС) – 2008 г. при прочих равных условиях дает более высокую оценку ВВП, чем СНС-1993. Более того, этот показатель репрезентирует собой сумму всех учтенных произведенных благ в рыночных ценах как аддитивную величину и тем самым подменяет в знании отображение всего многообразия экономических явлений, созданных и использованных на определенной территории за год. Таким образом, когда мы прогнозируем рост ВВП, мы прогнозируем именно число, а оно – что принципиально важно – связано не с объектом (реальной экономикой), а с методом, т.е. в конечном счете с субъектом познания.

Между тем придание онтологического статуса, реификация искусственных статистических объектов, подобных ВВП, в рамках публичного экономического дискурса и их неявное соположение с существованием объектов, независимых от человеческой деятельности, позволяют резко расширить область оперирования ими, т.е. выйти за пределы собственно научной практики и легко переходить в другие сферы – госуправление и бизнес. В результате административный аппарат (который, как показывает Дж. Скотт, принципиально видит упрощенно и гомогенизированно) может не заниматься прогнозированием такой сложной объективации, как страновая экономика, а заменить всё это на процедуру экстраполяции аналитической функции, характеризующей динамику показателя ВВП (или его структурных компонентов) в условном календарном времени. Вместе с тем такие эконометрические техники дают агрегированные показатели и повторяющиеся и сопоставимые результаты, что важно для «взгляда государства» на «управляемое», его когнитивного стиля и формирования артефактов, с которыми работает аппарат управления.

Таким образом, в отличие от научного знания объективность знания в управленческих практиках практически никак не связана с объектом, с истинностью, точностью, адекватностью его описания. Помимо вышесказанного, это также обусловлено тем, что объект для управленческих практик всегда вторичен, их цель и задача состоит в создании и воспроизводстве субъекта управления и расширении его возможностей управлять. Именно поэтому в государственном управлении, тесно соприкасающемся с политическим полем, объективность – это свойство, связанное исключительно с субъектом, точнее говоря, с его познавательными актами и процедурами. Иначе говоря, объективность здесь – это неангажированность, беспристрастность, ценностная нейтральность. Однако, как известно,



это свойства субъекта познания, исходно связанные с научным этосом (с самопрезентацией и саморефлексией ученых). В рамках административных практик они трансформируются в имперсональность, в пределе подразумевающую полное устранение субъекта и замену его технической системой. В функционировании административных систем это важное новое свойство субъекта и знания имеет двоякую функцию.

С одной стороны, установка на имперсональность имеет логическое продолжение в тенденции связывать управление посредством квантификации и технологий (в широком смысле), а следовательно, подразумевает соответствующего субъекта (технократа/технобюрократ), а в пределе его устранение и замену технической системой. С другой стороны, объективность как имперсональность – это крайне эффективная, по выражению Т. Портера, «технология дистанцирования» [Porter, 1995, p. ix].

Речь идет о переходе в рамках развития государственных управленческих практик к системе принятия таких решений, которые позволяют говорить: «Это не мое мнение, так говорят цифры, расчеты, модель». Причем речь идет не только об отказе от пристрастности и ценностной нейтральности, но и о снятии ответственности. Исторически стратегия имперсональности в управленческих практиках возникает в ответ на внешнее давление и имеет позитивную направленность [Ibid., p. 89–148], т.е. выражается в отказе от решений на основе персональных (пристрастных) экспертных суждений. Например, профессиональное мнение эпидемиолога-инфекциониста о необходимости карантинных мер заменяется эксплицитными количественными критериями – коэффициентом распространения инфекции на данной территории выше/ниже некоторого нормативного показателя. Однако подобная квантификация и вытекающая из нее стандартизация любой проблемы посредством введения повсеместных количественных индикаторов также принципиально позволяют вместо личной ответственности за конкретные факты выдвигать солидарную (и размытую) ответственность за общие, средние результаты.

Таким образом, объективность как имперсональность, выражающаяся в «технологиях дистанцирования», позволяет эффективно публично отчитываться (в ответ на требования общества, высшей власти, заказчика) и постоянно перераспределять ответственность. Вместе с тем дистанцирование также проявляется и в прямом смысле – объект управления делается видимым и еще более управляемым теми, кто сам не виден или непосредственно не присутствует. Возникает эффект безличной системы, вездесущего государства.



## Заключение

Подведем итоги. Социальный мир не был количественным по своей природе, его нужно было сделать таковым с определенной целью. Начавшаяся в XIX в. на Западе реализация государством масштабных модернизационных преобразований и больших инфраструктурных проектов опиралась на инженеров, инженерные знания и практики, в рамках которых постепенно формируется идеал количественного государственного управления [Brian, 1994]. В результате определяющим условием эффективной государственной политики становится опора на количественные факты и статистику, которые не только отражают и даже воплощают саму реальность государства, но и гарантируют объективность деятельности государственного аппарата [Etner, 1987; Miller, 2001]. Первоначально востребованность статистики и измерительных практик государственным аппаратом определяется строгостью, прозрачностью и универсальностью математического инструментария. Однако дальнейшая их инкорпорация в системы знания и в когнитивный стиль государства обусловлена идеальным соответствием практикам социального управления и делового администрирования, а также той важной ролью, которую такие практики стали играть в воспроизводстве бюрократии.

Научность знания, производимого и потребляемого административными системами, не является *sine qua non* характеристикой. Исторически научность непосредственно связана с научным этосом и с объективностью как способностью знать вещи такими, какие они есть на самом деле (реализм). В принципиально иной, нежели академическая сфера, среде, коей является государственное управление, научное знание (и, соответственно, научность) приобретает совершенно иные функции. Сначала знание – это необходимое условие модернизации, неотъемлемый элемент прогресса, а затем лишь средство легитимации, обеспечение тех или иных действий субъектов управленческой деятельности символическим капиталом (авторитетом) науки.

Более того, государственный аппарат в значительной степени ориентирован не на научное, а на инженерное (по типу) знание, потому что ему нужны результат и инструменты (технологии) управления. Всё эти функции выполняет число (количественная оценка/показатель), поэтому квантификация – основа когнитивных структур и дискурсивных практик государства. Число позволяет работать со сложными социальными объектами, упрощая, гомогенизируя и стандартизируя их. Такая стандартизация в полной мере выполняет функции объективности в том смысле, что это важный способ и даже способность создания объектов. Как отмечает Т. Портер, если множество людей в разных местах могут производить сопоставимые измерения и при этом имеют общее представление



о том, что с ними делать, это с необходимостью подразумевает, что должна существовать вещь, сущность, которая измеряется [Porter, 1992]. Между тем поскольку производство чисел в административных практиках связано с методом (техниками его получения, в пределе завязанными на субъекта управления), то количественные оценки/показатели становятся и объектами, и инструментами проектирования и манипулирования. Такие самодостаточные образы-инструменты выполняют функции презентации себя, а не чего-то стоящего за ними.

Таким образом, инженерный тип знания, доминирующий в государственном управлении, подразумевает, что объект будет создаваться в ходе самой управленческой деятельности, а постоянное расширение и усложнение формализованных техник и инструментов квантификации, а также различных способов преобразования объектов/артефактов ведет к возможности конструировать любой новый желаемый объект (уровень реальности).

Что касается субъектов познавательной деятельности государства, то их ключевая эпистемологическая характеристика – десубъективация производимого и используемого ими знания, схожая с идеалом «структурной объективности» и в пределе стремящаяся к «чистой объективности», подразумевающей полное исключение, отсутствие субъекта и его «частной самости» («взгляд ниоткуда» по выражению Т. Нагеля). Количественное измерение и оценка, обладая свойствами неизменности, инвариантности и формальной структурности, являются идеальными средствами исключения субъекта (его ценности и политических предпочтений) из знания. Между тем это не означает «научной объективности».

Исторически объективность приходит в государственный аппарат с научными практиками. Однако это, прежде всего, «эпистемическая добродетель», тесно связанная с научным этосом и с методом построения познающего субъекта, которые принципиально не воспроизводятся в системе госуправления, т.к. у нее совершенно иные, чем у науки и научного познания, цели, задачи и практики. Поэтому по факту объективность начинает выполнять там совершенно иную функцию. Во-первых, это, как и в социальных науках, средство достижения/принуждения к консенсусу, необходимой предпосылкой которого является десубъективированное знание, с которым нельзя не согласиться. Во-вторых, это технология дистанцирования, основанная на безусловном предпочтении стандартизированных правил любым, даже самым обоснованным суждениям. Она формирует новую «эпистемическую добродетель» – техническую, а в пределе «машинную имперсональность». В этом контексте современное стремление внедрить в систему государственного управления и принятия административных решений искусственный интеллект (машинные алгоритмы принятия решений) представляется совершенно закономерным следующим шагом.





## Благодарности

Автор выражает признательность д.э.н. И.Э. Фролову и к.ф.н. Т.А. Вархотову, с которыми обсуждались некоторые идеи этой статьи.

## Список литературы

Кошовец, 2021 – Кошовец О.Б. Измерять и править: как наука и государство производят экономические знания // Terra Economicus. 2021. № 19 (3). С. 6–19.

Кошовец, Фролов, 2020 – Кошовец О.Б., Фролов И.Э. «Прекрасный новый мир»: о трансформации науки в технауку // Эпистемология и философия науки. 2020. № 1. С. 20–31.

Романов, 2003 – Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. М.: Издатель Савин С.А., 2003. 448 с.

Скотт, 2005 – Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2003. 576 с.

## References

Bourguet, 1989 – Bourguet, M.N. “Déchiffrer la France. La statistique départementale à l’époque napoléonienne”, *Population*, 1989, vol. 44, no. 3, pp. 666–668.

Breslau, 2003 – Breslau, D. “Economics Invents the Economy: Mathematics, Statistics, and Models in the Work of Irving Fisher and Wesley Mitchell”, *Theory and Society*, 2003, vol. 32 (3), pp. 379–411.

Brian, 1994 – Brian, E. *La mesure de l’Etat: Administrateurs et géomètres au XVIIIe siècle*. Paris: AlbinMichel, 1994, 464 pp.

Broome, Seabrooke, 2012 – Broome, A., Seabrooke, L. “Seeing Like an International Organisation”, *New Political Economy*, 2012, vol. 17, no. 1, pp. 1–16.

Cammack, 2002 – Cammack, P. “The Mother of all Governments: The World Bank’s Matrix for Global Governance”, in: R. Wilkinson & S. Hughes (eds). *Global Governance: Critical Perspectives*. Oxford: Routledge, 2020, pp. 36–53.

Daston, Galison, 2010 – Daston, L. and Galison, P. *Objectivity*. New York: Zone Books, 2010, 504 pp.

Desrosières, 2002 – Desrosières, A. *The Politics of Large Numbers: A History of Statistical Reasoning*. London: Oxford University Press, 2002, 384 pp.

Etner, 1987 – Etner, F. *Histoire du calcul économique en France*. Paris: Economica, 1987, 304 pp.

Forman, 2007 – Forman, P. “The Primacy of Science in Mmodernity, of Technology in Postmodernity, and of Ideology in the History of Technology”, *History and Technology*, 2007, no. 23 (1/2), pp. 1–152.



Foucault, 2004 – Foucault, M. *Sécurité, territoire, population*. Cours au Collège de France (1977–78). Paris: Le Seuil, 2004, 448 pp.

Harvey, 1989 – Harvey, D. *The Condition of Post-Modernity: An Enquiry into the Origins of Social Change*. Oxford: Basil Blackwell, 1989, 379 pp.

Koshovets, O.B. “Izmeryat’ i pravit’: kak nauka i gosudarstvo proizvodyat ekonomicheskie znaniya” [Measuring and Ruling: How Science and the State Produce Economic Knowledge], *Terra Economicus*, 2021, 2021, no. 4, pp. 6–19. (In Russian)

Koshovets, O.B., Frolov, I.E. “Prekrasnyi novyi mir’: o transformatsii nauki v tekhnonauku” [Brave New World: On Science Transformation into Technoscience], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 1, pp. 20–31. (In Russian)

Kranke, Yarrow, 2018 – Kranke, M. & Yarrow, D. “The Global Governance of Systemic Risk: How Measurement Practices Tame Macroeconomic Politics”, *New Political Economy*, 2018, vol. 24 (6), pp. 816–832.

Latour, 1986 – Latour, B. “Visualisation and Cognition: Drawing Things Together”, *Knowledge and Society: Studies in the Sociology of Culture and Present*, 1986, no. 6, pp. 1–40.

Megill, 1994 – Megill, A. *Rethinking Objectivity*. Duke University Press, 1994, 352 pp.

Miller, 2001 – Miller, P. “Governing by Numbers. Why Calculative Perspectives Matter”, *Social Research*, 2001, vol. 68 (2), pp. 379–396.

Mirowski, 1991 – Mirowski, P. *More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics*. New York: Cambridge University Press, 1989, 464 pp.

Morgan, 2008 – Morgan, M. “Economics”, in: T.M. Porter (ed.). *The Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, pp. 275–306.

Porter, 1992 – Porter, T. “Objectivity as Standardization: The Rhetoric of Impersonality in Measurement, Statistics, and Cost-benefit Analysis”, *Annals of Scholarship*, 1992, no. 9 (1/2), pp. 19–59.

Porter, 1995 – Porter, T.M. *Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life*. Princeton: Princeton University Press, 1995, 310 pp.

Porter, 2003 – Porter, T.M. “Measurement, Objectivity, and Trust”, *Interdisciplinary Research and Perspectives*, 2003, no. 1 (4), pp. 241–255.

Rodrik, 2015 – Rodrik, D. *Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science*. New York: W.W. Norton and Co., 2015, 272 pp.

Romanov, V.N. *Istoricheskoe razvitie kul'tury. Psikhologo-tipologicheskii aspekt* [Historical Development of Culture. Psychological and Typological Aspects]. Moscow: Savin S.A. Publ, 2003, 448 pp. (In Russian)

Rorty, 1991 – Rorty, R. *Objectivity, Relativism and Truth*. New York: Cambridge University press, 1991, 238 pp.

Rose, Miller, 1992 – Rosem, N., Miller, P. “Political Power beyond the State: Problematics of Government”, *The British Journal of Sociology*, 1993, vol. 43 (2), pp. 173–205.

Scott, J. *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya uslovii chelovecheskoi zhizni* [Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], trans. by E.N. Gusinsky, Yu.I. Turchaninova. Moscow: Universitetskaya kniga, 2005, 576 pp. (In Russian)



Sparsam, Pahl, 2021 – Sparsam, J., Pahl, H. “Macroeconomics and Monetary Policy as Autonomous Domains of Knowledge and Power. Rational Expectations, Monetarism and the Federal Reserv”, in: J. Maesse, S. Pühringer, T. Rossier, P. Benz (eds.). *Power and Influence of Economists. Contributions to the Social Studies of Economics*. Oxford, New York: Routledge, 2021, pp. 36–52.

Weintraub, 2002 – Weintraub, R. *How Economics Became a Mathematical Science*. London: Duke University Press Books, 2002, 313 pp.

Ziman, 1998 – Ziman, J. “Why Must Scientists Become More Ethically Sensitive than They Used to Be?”, *Science*, 1998, vol. 282, no. 5395, pp. 1813–1814.